

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ СССР И ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В. З. Дробижев, член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков

Когда в августе 1973 г. ЦСУ сообщило о том, что население СССР достигло 250 млн. человек, этот факт встретил самый широкий отклик в общественно-политической и научной прессе. Ежедневные газеты, еженедельники и «толстые» журналы поместили разнообразные материалы и комментарии о народонаселении СССР. Такое внимание, всеобщий интерес не случайны. Проблемы демографии все больше и заметнее выходят на общественную и научную сцену. Потребности жизни, народного хозяйства определяют необходимость углубленного исследования вопросов, связанных с народонаселением, разработки научных прогнозов демографического будущего, без чего невозможно планирование экономики. Это обусловило быстрое развитие демографии в современных условиях.

10—15 лет тому назад демографические исследования в СССР велись крайне недостаточно. И сейчас еще нередко можно встретить сетования на отставание демографии. Но это скорее дань традиции, чем отражение реального положения дел. После Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.), в котором в числе важнейших направлений развития общественных наук назывались и социально-экономические исследования в области демографии, демографические исследования стали развиваться весьма быстрыми темпами. Этому способствовала также публикация материалов переписей населения 1959 и 1970 годов. Были созданы крупные научные демографические центры, налажена координация демографических исследований, проводимых в СССР и других социалистических странах, выросли кадры высококвалифицированных специалистов в этой области. Теперь уже утверждение об отставании демографии ничего не объясняет и ничему не помогает. Важно выяснить другое — что именно нужно сделать для дальнейшего развития демографических исследований, какой вклад в решение этой задачи могут внести историки и специалисты других общественнонаучных наук. Одной из сторон этой проблемы — соотношению демографии и отечественной истории — посвящена настоящая статья, в которой рассматриваются два тесно связанных аспекта: роль исторической науки для решения задач, стоящих перед демографией, и значение демографических исследований для развития исторической науки.

В литературе все больше утверждается мнение о необходимости комплексного изучения проблем народонаселения. Интеграция наук о населении определяется объективной необходимостью повышения эффективности демографической политики, обеспечения наибольшего соответствия содержания и методов этой политики потребностям коммунистического строительства. Наука о закономерностях движения

населения становится, таким образом, комплексной, имеющей своим предметом анализ населения во всей его сложности и многообразии отношений. Известный советский демограф Б. Ц. Урланис следующим образом определяет предмет демографии: «Демография — это наука, которая на основе анализа социальных, экономических, географических, а также биологических факторов изучает закономерности явлений и процессов в структуре, размещении и динамике населения, разрабатывает на этой основе теории населения»¹. Примерно так же определяет предмет демографии и венгерский ученый Д. Ачади: «Демография — это исторически сложившаяся наука, изучающая присущие ей методами численность, состав, территориальное размещение и состояние народонаселения, изменения в них и их причины, а также общественно-экономические взаимосвязи и последствия изменений в народонаселении, в воспроизводстве населения. Она раскрывает закономерности обновления и воспроизводства населения, а полученные знания ставит на службу общественно-экономического развития»². В этих определениях правильно отмечена многогранность, многоплановость демографии, ее связь с другими отраслями научного знания, зависимость демографического анализа от разных факторов, изучаемых многими науками.

Интегральный характер демографии определяет объединение в научных коллективах, занимающихся изучением населения, специалистов различных отраслей знания — экономистов, географов, юристов, историков, медиков и т. д. Но это отнюдь не означает, что при изучении населения пропадает специфика приемов той или иной науки, а сами они поглощаются другой наукой. Успех дела комплексного изучения населения как раз и заключается в разнообразии подходов к проблеме, методике ее исследования. Каждая наука вносит свой вклад, взаимодействуя с другими, но применяя методику, свойственную только ей, занимаясь кругом вопросов, ей «подведомственных» и близких, используя свои, специфические источники. Историческая наука в области изучения демографических проблем может и должна сыграть роль значительную и только ей присущую.

Совершенно очевидно, что всякое социально-экономическое мероприятие прямо или косвенно отражается на населении. Великая Октябрьская социалистическая революция и вызванные ею к жизни коренные экономические и социальные преобразования решительным образом изменили условия демографического развития нашей страны. Превращение СССР из страны аграрной в индустриальную, изменения экономической и социальной структуры общества, культурная революция, ликвидация нищеты и безграмотности населения, глубокая ломка устоев старого быта, восходивших своими корнями еще к эпохе феодализма, преодоление религиозных традиций в отношении брака и семьи, ханжеских буржуазных предрассудков и т. д. — все это находило отражение в воспроизводстве населения. Здесь и проходит основное направление, на котором демографии не обойтись без истории. Только историк может конкретно раскрыть социально-экономические основы динамики населения, показать сложные формы и пути влияния на нее общественно-политических событий.

О необходимости использования в демографическом исследовании методов исторической науки свидетельствует ряд примеров. Приведем некоторые из них. Задумаемся, в частности, над определением закономерностей движения населения в период социалистической реконструкции народного хозяйства.

¹ Б. Ц. Урланис. Предисловие к книге Р. Пресса «Народонаселение и его изучение (демографический анализ)». М. 1966.

² Д. Ачади. Предмет, метод и содержание демографии. «Теоретические проблемы демографии». М. 1970, стр. 33—34.

Годы реконструкции принесли с собой значительные изменения в динамике воспроизводства населения: по сравнению с восстановительным периодом резко сократилась рождаемость, уменьшились темпы чистого прироста, изменилась география населения, возрос удельный вес горожан и т. д. В демографической литературе на протяжении многих лет велась полемика вокруг сформулированного акад. С. Г. Струмилиным «закона обратной зависимости», согласно которому снижение темпов чистого прироста населения объяснялось ростом материального благосостояния и уровня культуры трудящихся³. Оппоненты С. Г. Струмилина отмечали, что на отдельных этапах реконструкции уровень материального благосостояния не только не возрастал, но, наоборот, снижался⁴. Это было вызвано специфическими условиями строительства социализма в СССР. Следовательно, искать причину снижения рождаемости исключительно в росте уровня материального благосостояния нельзя. Однако неправы и те демографы, которые видят причину снижения рождаемости лишь в трудностях реконструктивного периода⁵. Ведь снижение рождаемости, хотя значительно меньшее, чем в реконструктивный период, продолжалось и в последующие годы, когда специфические условия развития СССР в 1926—1937 гг. ушли в прошлое. Нам представляется более убедительной мысль об отсутствии прямой, непосредственной связи между уровнем материального обеспечения и рождаемостью. Эта связь, несомненно, существует и оказывает свое влияние как на рост, так и на снижение рождаемости, но проявляется она опосредованно, через ряд других факторов.

Демографы называют различные факторы, влияющие на рост населения. Но мало их назвать. Главная задача — выяснить степень влияния каждого из них, определить, насколько тесны их связи. К сожалению, современная наука не раскрыла сложного механизма взаимодействия факторов, влияющих на рост населения, не показала их взаимовлияния. Демографические обследования проводились таким образом, что не позволяют оценить влияние каждого из факторов на динамику рождаемости. Дальнейший прогресс в изучении закономерностей динамики населения упирается, таким образом, в необходимость использования новых групп источников, в разработку методики их изучения.

Демографическая наука в последние годы поставила ряд важных теоретических вопросов в плане выяснения влияния экономического и социального прогресса на движение населения (правда, положения, высказанные в ходе дискуссий, не всегда подкрепляются достаточным материалом)⁶. И здесь на помощь демографии может прийти история с ее мощным аппаратом комплексного анализа общества.

Весьма важно и интересно изучение демографических последствий войн и прежде всего Великой Отечественной войны. Но это изучение осуществляется крайне недостаточно. В литературе для характеристики влияния военной поры на демографические процессы приводится, как правило, лишь общая цифра людских потерь, понесенных нашей страной. Между тем последствия войны в этом плане значительно шире. Речь должна идти не только о людях, погибших в резуль-

³ С. Г. Струмилин. К проблеме рождаемости в рабочей семье. «Проблемы экономики труда». М. 1957, стр. 184.

⁴ См. А. А. Дольская. Социалистический закон народонаселения. М. 1959, стр. 120—129; А. Д. Кузнецов. Трудовые ресурсы СССР и их использование. М. 1960, стр. 39.

⁵ См. Г. М. Максимов. Движение и состав населения СССР. «История СССР», 1961, № 1.

⁶ Это положение может быть распространено и на статью А. Г. Вишневого, опубликованную в журнале «Вопросы философии», 1973, №№ 2, 9. Автор рассматривает снижение рождаемости в связи с падением смертности, но всестороннего обоснования выдвинутых им гипотез не дает.

тате военных действий. В годы войны резко сократилась рождаемость и возросла смертность гражданского населения. После войны к семьям вернулись сотни тысяч людей, чье здоровье было подорвано в годину тяжких испытаний. Все это усугубило трудности восстановления народного хозяйства. Демографические последствия такой кровопролитной войны, какой была Великая Отечественная война, сказываются на жизни нескольких поколений, проявляясь в разнообразных областях, начиная с состояния трудовых ресурсов и кончая семейно-бытовыми факторами. Историки, располагая многочисленными и разнообразными данными о жизни и деятельности трудящихся масс в военные и послевоенные годы, могли бы сделать немало для выяснения демографических сдвигов этих лет. Отметим в этой связи, что в 20-е годы довольно интенсивно изучались многообразные (в том числе и демографические) последствия империалистической и гражданской войн. В дальнейшем работа в этом направлении практически прекратилась.

Среди демографов идет оживленная дискуссия о характере современной демографической ситуации в СССР. Высказываются разные точки зрения по вопросу о причинах снижения рождаемости, о региональных и этнических особенностях движения населения, о сущности и характере миграционных процессов. Историки в данном случае выступают в качестве заинтересованных читателей, но никак не в роли полноправных участников обсуждения. А ведь современная демографическая ситуация сложилась не сразу. Начиная примерно с середины 50-х годов в условиях разворачивающейся научно-технической революции начались серьезные демографические изменения, анализ которых невозможен без всестороннего учета всех факторов развития советского общества.

Таковы некоторые соображения и примеры относительно того, как методы исторической науки и исторические источники могут способствовать решению ряда задач, стоящих перед демографией. Видимо, надо подумать о том, чтобы научные контакты историков и демографов, носящие ныне случайный, частный характер, приобрели широкие и стабильные организационные формы.

Еще более существенным нам представляется другой аспект — о месте и значении демографической проблематики в развитии исторической науки.

Нет нужды доказывать, насколько важно для историка изучение вопросов народонаселения. Народ — творец истории. Освещение исторического процесса без показа его творца, его главной действующей силы, лишено смысла и сути. Это азбучно, элементарно, но, повторяя эти формулы как заклинание, историки часто забывают о них при написании своих трудов.

Без демографических материалов невозможен анализ соотношения классовых сил, а следовательно, и изучение классовой борьбы — этой сердцевины исторического процесса. Не зная состава населения, его социальной структуры, национального состава, невозможно создать объективную, научно обоснованную картину истории страны. Историки обязаны — это диктует характер самой исторической науки — не просто рассказать о людях, совершавших социалистическую революцию, победивших интервентов и белогвардейцев, построивших социализм, одержавших великую победу над фашизмом, поднявших страну из руин, созидавших коммунистическое общество, но и всесторонне раскрыть, что представляли собою эти люди, кто они, сколько их было на разных исторических этапах и т. д. и т. п.

Между тем в ряде исторических работ — имеются в виду книги, посвященные не частным или специальным вопросам, а труды обобщающие, призванные дать общее представление о развитии советского общества в целом и на отдельных хронологических этапах, — практически

отсутствуют даже самые общие сведения о населении нашей страны. Это бросается в глаза при чтении многих учебников и пособий по истории СССР для высшей и средней школы, большинства сводных трудов. Если взять такие известные и крупные многотомные коллективные работы, как «История гражданской войны в СССР» или «История Великой Отечественной войны Советского Союза», то им нельзя бросить упрек в «безлюдности». Страницы этих книг «населены» и довольно плотно. Читатель найдет в них массу данных о численности войск, о пополнениях и потерях. Книги рассказывают о подвигах фронтовиков и тружеников тыла, называют множество имен генералов, офицеров и рядовых участников войны. Но основные демографические параметры остаются нераскрытыми — в книгах нет сведений о том, что из себя представляло население страны в канун революции, перед Отечественной войной, какие изменения в его численности, размещении и т. п. произошли в рассматриваемые годы.

Невнимание к демографии в сводных исторических трудах не является случайным, оно отражает слабое развитие исследований в этой области. Лишь незначительное число историков занимается изучением сюжетов, связанных с демографией. А это, в свою очередь, приводит к тому, что в наших познаниях в области динамики народонаселения советского общества имеются существенные пробелы. Историческая наука, к примеру, не имеет ясного представления о миграциях населения СССР за последние десятилетия. А совсем не трудно понять, что в условиях нашей страны с ее необъятными и существенно отличающимися друг от друга территориями подвижность населения является немаловажным фактором исторического процесса. Пробелы в наших демографических знаниях особенно заметны применительно к первому послеоктябрьскому десятилетию (до переписи 1926 г.). В самом деле, историческая наука не может сейчас с должной обоснованностью ответить на вопрос о численности большинства народов нашей страны во время Великой Октябрьской социалистической революции, в момент образования СССР. Надо ли говорить, насколько эти сведения важны, существенны для понимания исторического процесса, тем более на таких переломных этапах!

Отставание в этой области приводит подчас к досадным промахам. Приведем лишь один пример. В конце 1972 г. вышел в свет юбилейный статистический сборник «Народное хозяйство СССР. 1922—1972». В сборнике содержится огромное количество важных сведений (в том числе публикуемых впервые) по Союзу в целом и по союзным и автономным республикам. Эти сведения ярко и убедительно говорят о замечательных успехах советских республик, достигнутых под руководством Коммунистической партии на основе ленинской национальной политики. Однако в отдельных историко-демографических материалах есть существенные ошибки. В сборнике впервые приводятся сведения о численности населения союзных республик (на конец 1922 г.), автономных республик и областей и национальных округов (на время их образования). Однако исчисление населения союзных республик на конец 1922 г. осуществлено в принципе неверно. Исчислено, собственно говоря, население не республик, существовавших тогда, а территорий, позднее вошедших в те или иные республики. Как известно, Узбекской, Киргизской, Таджикской, Туркменской ССР в 1922 г. не существовало. Их территории входили в состав Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных советских республик. Но сборник дает численность населения Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской республик на 1922 г.⁷, то есть фактически приводит численность населения не респуб-

⁷ «Народное хозяйство СССР. 1922—1972». Юбилейный статистический сборник. М. 1972, стр. 10.

лик, а территорий, ныне эти республики составляющих. Такой подход не вяжется с принципом историзма. Известно также, что после 1922 г. территории Белоруссии и Казахстана были значительно расширены. В 1924 г. в состав Белоруссии были включены районы РСФСР с преобладающим белорусским населением, а в Казахстан вошли районы Туркестанской АССР с преобладающим казахским населением. В сборнике же численность населения Белоруссии и Казахстана на 1922 г. дана не по территории 1922 г., а по территории 1924 года. В результате данная таблица сборника вносит путаницу в фактическое положение дел и в конечном счете приводит к серьезному искажению исторической картины. Большинство территорий, включенных в сборнике в еще не существовавшие тогда республики, входило в 1922 г. в состав РСФСР. В Российскую Федерацию входил в качестве автономной республики и Казахстан. Получается, что население РСФСР по состоянию на 1922 г. уменьшено против фактического на несколько миллионов человек. Значительно уменьшены, таким образом, применительно к 1922 г. удельный вес Российской Федерации в составе СССР, а тем самым практически и ее роль в создании единого союзного государства. Этот пример свидетельствует о том, к каким последствиям может привести недостаточная научная разработанность исторических аспектов демографии.

Долгие годы историки почти не обращались к этим сюжетам. Историко-демографические исследования (в области истории советского общества) насчитывались единицами. Причем авторами их, как правило, являлись демографы, в силу ряда причин обратившиеся к истории. Лишь в последнее время положение начало меняться. Вероятно, это отражает тот общий рост интереса к демографии, о котором говорилось выше. В исторических трудах в последние годы, как правило, приводятся общие цифры численности населения, данные о соотношении городского и сельского населения, о миграции, естественном движении населения. В качестве примера можно здесь назвать тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» и ряд других изданий. Это, безусловно, шаг вперед по сравнению с предшествующей литературой, в которой историко-демографическим сюжетам вообще не уделялось внимания. Но все-таки главное — не просто назвать какие-либо цифры, а раскрыть необычайно сложные взаимосвязи общих социально-экономических и демографических процессов.

Отдельные историки создали интересные работы о населении на различных исторических этапах применительно к отдельным районам и к стране в целом. Можно отметить в этом плане работы Н. В. Алексеенко и В. М. Кабузана об изменениях в размещении населения России в XVIII и XIX вв.⁸, книгу Е. И. Дружининой о населении Южной Украины в первой четверти XIX века⁹. Под руководством Л. Г. Бескровного изданы (правда, крайне ограниченным тиражом) материалы переписей, проводившихся в России¹⁰. Эти работы показывают плодотворность и научную целесообразность обращения историков к демографической проблематике. Исследование взаимосвязи социально-экономических и демографических процессов обогащает исторические труды.

Выше уже формулировалась мысль о необходимости широкого обращения к данным демографии при освещении исторических сюжетов. Назовем в этой связи несколько проблем, при решении которых опора на демографию особенно важна.

⁸ Н. В. Алексеенко. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII — первой половине XIX в. «Экономика, управление и культура Сибири в XVIII—XIX вв.». Новосибирск. 1965; В. М. Кабузан. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М. 1971.

⁹ Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М. 1970.

¹⁰ «Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646—1858)». М. 1972.

В последние годы усилилось внимание к изучению социальной структуры советского общества, ее развитию по мере социально-экономического и политического прогресса нашей страны. Хотя до сих пор существуют различные точки зрения о круге вопросов, обнимаемых понятием «социальная структура», совершенно очевидно, что в основе исследований по этой проблематике должны лежать хорошо разработанные демографические данные. Недостаточность демографических исследований затрудняет определение социальной структуры значительной части народов СССР накануне Октябрьской революции и в первые послереволюционные годы. Вообще в изучении социальной структуры можно подметить несколько необычное для историографии явление — данная проблематика лучше изучена применительно к периодам, максимально приближенным к современности. Это объясняется, в частности, тем, что демографическая статистика последних полутора десятилетий гораздо богаче, чем за предшествующие годы. Данные двух последних переписей населения (1959 и 1970 гг.) в сочетании с материалами конкретных обследований являются первоклассными источниками, составляющими основу для решения многих научных вопросов.

Чрезвычайно актуальным и важным является изучение сравнительно недавно поставленной проблемы — истории становления и развития советского народа как новой исторической общности людей. Изучение этой темы, имеющей множество граней — от складывания единого экономического базиса до различных сторон культурного строительства, — должно в конечном итоге опираться на исходные демографические данные. Один из недостатков многих работ о советском народе как новой исторической общности людей, а также о возникновении социалистических наций заключается в том, что в них слабо использован демографический материал, лежащий в основе социальной и этнической характеристики отдельных наций и советского народа в целом. Нам представляется бесспорным, что в области истории межнациональных отношений и особенно при изучении советского народа как новой исторической общности людей необходимо самым широким образом опираться на демографическую статистику, отражающую динамику социального и этнического развития во всех республиках СССР. Именно демографическая статистика дает ключ к правильному пониманию таких принципиально важных вопросов, как выравнивание социального и культурного развития различных республик и народов СССР.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г. позволяют более конкретно раскрыть динамику выравнивания социальных уровней советских республик. Удельный вес рабочего класса в 60-х годах рос особенно быстрыми темпами в тех республиках, которые в 1959 г. отставали по этому важнейшему показателю, — в Белоруссии, Грузии, Молдавии, Литве. Если в среднем по СССР удельный вес рабочих в 1959—1970 гг. увеличился на 7,2%, то в Белоруссии — на 16,6%, Грузии — на 13,5%, Молдавии — на 14,4%, Литве — на 13,1%¹¹. Это привело к значительному сближению республик по уровню социального развития.

Уже перепись 1959 г. показала, что союзные республики в основном выравнивали удельный вес лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием. Несколько отставали Молдавия, Литва, Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан и Украина. Но именно на эти республики приходятся наивысшие темпы развития образования в 60-е годы. Как показала перепись 1970 г., по темпам роста удельного веса лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием в 1959—1970 гг. на первом месте шла Эстония, где был предпринят в последнее десятилетие ряд мер по развитию высшего

¹¹ Исходные данные см.: «Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1970 года». Т. V. М. 1973, стр. 9—15.

образования, а далее — Литва, Белоруссия, Молдавия, Узбекистан и Украина¹².

Нет необходимости подробно останавливаться на том, сколь важны демографические материалы при изучении такой проблемы, как возрастание ведущей роли рабочего класса. Без демографического костяка невозможно исследовать стоящие перед общественными науками, и прежде всего перед историей, вопросы о социальных границах рабочего класса, о его внутренней структуре и источниках пополнения. Или взять историю послевоенного сельского хозяйства, героической борьбы за его восстановление и дальнейший подъем. Разве можно понять всю трудность и сложность развития сельского хозяйства, не изучив демографической ситуации в послевоенной деревне? Вообще все развитие экономики неразрывно связано с историей трудовых ресурсов в промышленности и сельском хозяйстве. А изучение трудовых ресурсов опирается прежде всего и больше всего на исходные данные демографии.

В анналах науки уже зафиксировано появление нового научного направления — исторической демографии, возникшей на стыке истории и демографии. Нельзя пока назвать это направление полностью определенным и сформировавшимся. Но его существование — несомненный факт, его перспективность бесспорна, его научная обоснованность очевидна. Д. Ачади так характеризует суть этого направления: «В результате научной разработки демографии появилась историческая демография, которая состоит из истории народонаселения (включающей палеодемографию, использующую письменные источники) и из истории демографии»¹³. Такой подход к исторической демографии нам представляется не совсем правильным. История развития демографии как науки является составной частью самой демографии. А историческая демография — научное направление, исследующее движение населения на прошлых этапах развития человеческого общества, — составная часть истории. Здесь вполне уместно провести аналогию с исторической географией. Один из основоположников исторической географии в советской историографии, В. К. Яцунский, решительно настаивал на размежевании истории географических знаний и исторической географии¹⁴. Итак, историческая демография имеет своим предметом исследование движения населения на прошлых этапах развития человеческого общества. Слово «историческая» в этом понятии означает не просто обращение в прошлое, а действительно исторически-конкретный подход к проблеме.

Разрешивание историко-демографических исследований непосредственно зависит от состояния источниковедческой базы. Применительно к истории советского общества есть такие первоклассные источники, как материалы Всероссийских и Всесоюзных переписей населения. Особенно полно опубликованы итоги переписи 1926 года. Опыт показывает, что обращение историков к данным переписей является весьма плодотворным. К сожалению, этот ценнейший источник используется все еще совершенно недостаточно. Не подвергались всестороннему анализу итоги переписи 1920 г., городской переписи 1923 г. и некоторых других. Вместе с тем имеющийся уже опыт показывает, что историк не может получить ответа на все вопросы из публикаций итогов переписей, предпринимавшихся в свое время ЦСУ. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, сама практика экономического и социально-политического развития страны раздвигает горизонты исторического видения. Нередко бывает так, что те группировки и взаимосвязи, которые еще несколько лет назад казались несущественными и опускались ЦСУ при

¹² Там же, стр. 67—84.

¹³ Д. Ачади. Указ. соч., стр. 36.

¹⁴ См. В. К. Яцунский. Предмет и задачи исторической географии. «Историк-марксист», 1941, № 5.

обработке статистических данных, в свете нового исторического опыта представляются весьма важными. Например, при подготовке к публикации итогов профессиональной переписи рабочих 1918 г. не были учтены такие важные взаимосвязи, как отношение к земле рабочих различных отраслей и профессий, распределение рабочих по стажу в зависимости от отрасли, размера предприятия и т. д.¹⁵

Во-вторых, ЦСУ выполняет важные практические задачи, снабжая государственные органы современной информацией, необходимой для совершенствования научного управления. Историк же решает задачи выяснения закономерностей движения населения в прошлом. Разные потребности обуславливают необходимость и иной группировки материалов. Наконец, в-третьих, работники статистических органов в прошлом не имели в своем распоряжении таких мощных вычислительных средств, какие есть сейчас. ЭВМ, математическая статистика позволяют решать принципиально новый класс задач — выяснение степени взаимосвязи различных факторов, конструирование моделей движения населения. Все эти соображения диктуют необходимость сохранения источников, которые позволили бы решать в полном объеме задачи историко-демографического исследования. Это источники двух видов: первичные материалы переписей и первичные материалы конкретных социально-демографических исследований.

Конечно, хранить в полном объеме первичные материалы переписей практически невозможно. Потребовалось бы строительство новых гигантских по своему объему архивохранилищ. Да в этом и нет необходимости. Исторiku достаточно было бы иметь представительные выборочные материалы, чтобы получить возможность анализа основных демографических закономерностей. По аналогии можно привести примеры уже завершенных исследований по первичным материалам Всесоюзной профессиональной переписи 1918 г. и переписи служащих 1922 года. Выборочная обработка переписных бланков позволила дать достоверную характеристику социального облика пролетариата России и служащих центрального советского государственного аппарата. К сожалению, задача выборочного сохранения первичных материалов Всесоюзных переписей населения до сих пор не решена. То же можно сказать и о первичных материалах социально-демографических исследований, которые проводились и ведутся в наши дни различными государственными и научными учреждениями. Никто в государственном масштабе не ведет учета этих исследований, их материалы безвозвратно гибнут. А ведь это ценнейший исторический источник, содержащий очень важную информацию о движении населения в СССР.

В одной из недавно появившихся журнальных статей, посвященных задачам советской исторической науки, подчеркивалась необходимость максимального внимания историков к проблемам демографии. «Чтобы повысить эффективность своих исследований, теснее увязать их с практикой, историки должны сделать крутой поворот к разработке демографических проблем»¹⁶. С этим нельзя не согласиться. Изучение демографических проблем, максимальное включение демографического материала в арсенал исторической науки обогащает его, расширяет фронт исторических исследований, помогает более глубокому и основательному решению ряда коренных задач, стоящих перед советскими историками. В свою очередь, творческий контакт историков и демографов способствует успешному изучению собственно демографической проблематики, столь важной для практики коммунистического строительства.

¹⁵ См. «Труды ЦСУ». Т. XXVI, вып. 1, 2. М. 1926.

¹⁶ С. П. Трапезников. Советская историческая наука и перспективы ее развития. «Коммунист», 1973, № 11, стр. 74.